

И царь враждой своей почтил...

Александр ПОЛЕЖАЕВ

1804, Рузаевка Пензенской губернии —
1838, Москва

Евгений ЕВТУШЕНКО

А Полежаеву всё больно,
а нам всё страшно и сейчас,
и скромно происходит бойня —
то просто выстрел, то фугас.

И оскорбляют наших женщин
и наших честных стариков
шпицрутенами униженья,
незримой тяжестью оков.

И страшных снов, где кровь,
угрозы,
не вытянуть нам из страны,
как будто бы кровавых розог
из полежаевской спины.

У Полежаева была особая, я бы сказал, предсоветская судьба. Царская солдатчина стала его ГУЛАГом. Как над Мейерхольдом, извивавшимся на скользком бетонном полу под ударами резинового шланга, изгалялись над Полежаевым, когда секли его розгами, так что еще долго потом выцарапывали из-под иссеченной кожи обломки прутьев.

Андрей Вознесенский, над чьим белым потерянным лицом в 63-м году тряс кулаком Хрущев, написал, перепутывая себя с Тарасом Шевченко и Полежаевым, стихи, полные физиологического ужаса от порки, когда вопит «мясное месиво спины». В 1976 году, когда в СССР шли полным ходом процессы над диссидентами, у меня чудом пробилась сквозь цензуру стихи «Долголетие»: «После судьбы Кольцова, после судьбы Полежаева / моя судьба сверхъестественна, моя судьба поражающая». Галич благоговейно помянул своего тезку под гитару в одной из подпольных песен: «По рисунку палешанина Кто-то выткат на ковре Александра Полежаева В черной бурке на коне». Это имя стало символом попираемого, но в то же время не поправного достоинства поэта в России.

Полежаев был внебрачным сыном крепостной крестьянки Аграфены Федоровой, «прижитым», как изъяснялись тогда, от помещика Л.Н. Струйского. Струйский определил ей неплохое приданое и практически продал ее купеческому сыну Ивану Полежаеву. Тот обвенчался с неожиданно приблывшей невестой, дал мальчику, ставшему частью приданого, свою фамилию и увез их в Саранск. Но, промотав приданое, через три года растворился в просторах России. Еще через два года умерла Аграфена, и сирота был препровожден в семью к тетке-скотнице, младшей сестре матери. Струйский не отвернулся от сына, помог ему устроиться в пансион при Московской губернской гимназии, а потом и в

Московский университет. Судьба отца будущего поэта сложилась трагически: он заседал до смерти своего бурмистра и был выслан в Тобольск, где вскоре скончался. Мало того что Полежаев с рождения был воплощенным грехом своего отца, сына ждало еще и несправедливее отлучение за другой отцовский грех, когда и его впоследствии засекали чуть не до смерти.

Незаконнорожденного дворянского отпрыска образование до добра не довело. Он начал писать стихи. У Полежаева теперь оказалась двойная незаконнорожденность — по происхождению и по профессии, ибо как можно было узаконить само существование поэзии в империи, основанной на государственном беззаконии, самозвано считающем себя законом. 22-летний Полежаев описал в ходившей по рукам поэме «Сашка» нравы тогдашних кутил и проказников, всю бедокуривших, хоть немного скрашивая этим тошнотворную скуку полицейско-канцелярского режима. На автора донесли графу Бенкендорфу, а тот препроводил крамольную рукопись государю. Рукопись неприятно холодила руки, как будто на вольнодумных стихах еще не растаял колкий декабрьский снежок 1825 года.

Полежаев был удостоен «честь» исполнять свою поэму Его Императорскому Величеству. Чтение происходило в присутствии министра народного просвещения и попечителя Московского учебного округа. Поэт, наткнувшись на строки, которые должны были вызвать раздражение императора, либо опускал их, либо вводил импровизировал. А строки могли быть, скажем, вот эти: «А ты, козлиными брадами Лишь пресловутая земля, Умы гнетущая цепями, Отчизна глупая моя! Когда тебе настает время Очнуться в дикости своей? Когда ты свергнешь с себя бремя Своих презренных палачей?».

Николай Первый, которого Полежаев назовет «ефрейтор-император», разгадав, что тот пытается «замазать» исполнением наиболее острые места поэмы, в ярости выхватил у него тетрадку со стихами и негодуя ткнул пальцем в текст. Затем царь спросил у присутствовавших чиновников об образовании, какого поведения Полежаев. Кто-то из них то ли от жалости к юноше, то ли от страха, что если царский гнев не утишить, то он падет и на их головы, торпливо пробормотал: «Превосходнейшего поведения, Ваше Величество». Тогда царь неожиданно спросил: «Хочешь в военную службу?». Полежаев, опустив глаза, отмалчивался. «Я тебе даю военной службой средство очиститься». После этого отмалчиваться стало невозможно. «Я должен повиновать-

ся», — ответил Полежаев. Далее произошло нечто невероятное — царь положил руку ему на плечо и поцеловал его в лоб. Кто знает: возможно, царь рассчитывал этим поцелуем, как по волшебству, превратить бунтаря в придворного поэта? Но незаконнорожденный дворянин был бунтарем законнорожденным. Любое жандармское государство — кузница собственных бунтарей. Гордый Полежаев понял, что царь «Его враждой своей почтил И, лобызая, удушил!».

Поэт не выдержал казарменного режима, царящего в полку, стоявшем около Вышнего Волочка. В 1827 году унтер-офицера Полежаева разжаловали в солдаты за самовольную почти недельную отлучку, расцененную как дезертирство. Он еле избежал наказания шпицрутенами, но их свист преследовал его и во сне. Он начал пить. Вот какое у него было тогда настроение:

Мне мир — пустыня,
гроб — чертог!
Сойду в него без сожаленья,
И пусть за миг ожесточенья
Самоубийцу сугит Бог!

Полежаев маскировал названиями стихов географию собственной боли. Есть у него, например, «Песнь пленного ирокезца» («Я умру! На позор палачам Беззачинное тело отдам!»). Он сам вызывал на себя будущие надругательства.

Через год он снова «потерялся» — на сей раз где-то в Москве. А когда с опозданием вернулся в бутырские казармы, то оказался на многие месяцы в полуподвальной тюрьме, где встретился со своей будущей неразлучной подругой-чахоткой. Чахотка не расталась с ним и на Кавказе. Он провел там почти четыре года. За боевые заслуги его произвели в унтер-офицеры и представили к чину прапорщика, однако в последнем император отказал. По возвращении с Кавказа в Москву Полежаев с изумлением узнал, что многие его «возмутительные стихи» наизусть знает молодое литературное поколение.

Полежаева опять представили к офицерскому званию, и опять царь отказал, видимо, считая, что поэт еще не отблагодарил его за тот «отеческий поцелуй». В 1837 году Полежаев снова «потерялся», а когда был водворен в полк, то выяснилось, что он пропил амуницию. На сей раз ему не удалось избежать телесного наказания. Умер он в солдатской больнице, а вот похоронили его в офицерском мундире. За месяц до смерти Полежаев был наконец произведен в офицеры.

Притеснил мою свободу
Кривоногий штабс-

солдат:

В угождение урогу
Я отправлен в каземат.
И мечтает блинник
В черном сердце подлеца
Скрыть под лапою

нахальной

Имя вольного певца.
Но едва ль придется шуту
Отыграться без стыда:
Я — под спудом на минуточку,
Он — в болоте навсегда.

1828

Осужденный

Нас было двое — брат и я...
А. П-ушкин >

1

Я осужден! К позорной казни
Меня закон приговорил!
Но я печальный мрак могил
На плахе встречу без боязни, —
Окончу дни мои, как жил.

2

К чему раскаянье и слезы!
Перед бесчувственной толпой,
Когда назначено судьбой
Мне слышать вопли и угрозы
И гул проклятий за собой?

3

Давно душой моей мятежной
Какой-то демон овладел,
И я злоеший свой угел,
Неотразимый, неизбежный,
В дали туманной усмотрел..

4

Не розы светлого Пафоса,
Не ласки гурий в тишине,
Не искры яхонта в вине, —
Но смерть, секира и колеса
Всегда мне грезились во сне!

5

Меня постигла гума эта
И ознакомилась со мной,
Как холод с южною весной,

Или фантазия поэта
С унылой северной луной!

6

Мои утраченные годы
Теки, как бурные ручьи,
Которых мутные струи
Не серебрят, а пенят воды
На лоне илстой земли.

7

Они рвались, они бежали
К неверной цели без препон;
Но быстрый бег остановлен,
И мне размах холодной стали
Готовит праведный закон.

8

Взойдет она, взойдет, как прежде,
Завтра ранняя звезда,
Проснется неба красота, —
Но я, я небу и надежде
Скажу: «Простите навсегда!».

9

Взгляну с улыбкою печальной
На этот мир, на этот дом,
Где я был с счастьем незнаком,
Где я, как факел погребальный,
Горел в безмолвии ночном;

10

Где, может быть, суровой доле
Я чем-то свыше обречен,
Где я страстями заклеюмен,
Где чем-то свыше, поневоле,
Я был на время заключен;

11

Где я... Но что?.. Толпа народа
Уже кипит на площади?...
Я слышу: «Узник, выходи!»
Готов — иду!.. Прости, прирота!
Палач, на казнь меня веги!..

1828?

Это язык человека, закоренелого в злодействах. Отчаяние, верный спутник целой его жизни, оскверненной преступлениями, не оставляет своего любимца и на ступенях эшафота. Дантон среди Конвента читает оду Грекура, тогда как ему произносят смертный приговор; Анахарсис Клоц проповедует атеизм на гильотине, окруженный отрубленными головами его сообщников. Редко великие злодеи перед смертью говорят языком праведника.